

РЕЦЕПЦІЯ ХРИСТИАНСТВА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 25.

УДК 821.161 «XX» М. Булгаков

Шошура С. М. Рецепція християнства в романі М. О. Булгакова «Біла гвардія»; сторінок 18; кількість бібліографічних джерел – 17; мова російська.

Анотація. У статті розглядаються особливості сприйняття і художнього втілення християнського православного віровчення в романі М. О. Булгакова «Біла гвардія».

Ключові слова: художнє втілення, християнське православне віровчення, Одрокрення, молитва, образи Христа і Богородиці.

Тема християнства в творчестві М. А. Булгакова давно привертає увагу дослідників, ставши загальною темою багатьох робіт. Однак аналіз її затронула далеко не всі твори письменника, в яких вона відображена. Пожальку, в цьому відношенні найбільше повезло останньому роману письменника – «Мастеру і Маргариті».

Вивчення особливостей цієї теми в першому романі М. Булгакова – «Білої гвардії», як нам здається, недостатньо досліджено, представляє собою спробу в якій-то ступені заповнити цей проміжок. Об'єктивності ради слід сказати, що і в роботах про «Білу гвардію» згадується про використання автором елементів християнства, але, як правило, це обмежується констатацією факту, або ж характеристикою окремого епізоду роману [3, с.82-83; 9, с.130-131; 17, с. 362, 386-387].

З урахуванням сказаного метою статті є роз'яснення особливостей використання в романі М. Булгакова «Біла гвардія» елементів християнства. В свою чергу таким підходом передбачається спроба дати відповідь на наступні запитання:

1. Які явища, пов'язані з християнським віровченням, відображені в романі письменника?

2. Які функції в творі вони виконують?

3. Як використання елементів християнського віровчення пов'язані з загальною авторською концепцією твору?

Виконаний аналіз роману письменника показує, що навіть в кількісному відношенні явища, пов'язані з християнством, зустрічаються в творі більше ніж в 130 епізодах. Це і згадки про книги Нового Заповіту, зокрема, про «Откровіння Іоанна Богослова». Слова християнської лексики використовуються при називанні засновника християнської віри – Ісуса Христа і Його Матері – Богородиці. Згадуються в творі службовці християнської віри (протоієрей, священник, настоятель), предмети церковної утварі (лампада, хоругви, ікони), будівлі (собор, церква, каплиця), християнські ритуали (хрещення, молитва, похоронний обряд, соборність), церковні свята (Різдво) і багато іншого. Широко використовуються християнська лексика в мові персонажів твору (Боже мій, Господь,

Цариця Небесна, Богородиця і т.д.). Все це, вважається, свідчить про передачу автором думки про широкі поширення християнського віровчення в суспільстві, про історичну долю якого розповідає роман. Відображаючи духовну атмосферу, в якій живе суспільство, атрибути християнства в романі виконують і інші функції, пов'язані з авторською концепцією твору. Скажемо, на це вказує другий епіграф до роману, що представляє собою фрагмент з «Откровіння Іоанна Богослова» і нагадує про відповідальність за свої вчинки кожного людини, представленої на Страшному Суді. З ним пов'язані і початкові сторінки роману, що розповідають про смерть матері, що змушує решту родини задуматися про причини виходу з життя дорогих і близьких людей і про подальшу долю. Як відомо, один з персонажів роману, священник, батько Олександр, до якого Олександр Турбін після поховання матері звертається за порадою, говорить: «Що зробиш... – Воля Божья» [4, с. 29]. Використання персонажем слів і виражень, прийнятих в християнстві, надає факту завершеності людського життя, про що йде розмова, значущість, оскільки вона передбачена Вищою силою, діяльність якої не залежить від особистого бажання людини. Таку ж значущість і переконливість слів священника про те, що «испытания будут еще» для всього суспільства і в подальшій долі, а не тільки для окремого людини, надає його звернення до «Откровіння Іоанна Богослова»: «Третій ангел вилив чашу свою в річку і джерела вод; і стала кров». І подальше розвиток сюжету роману, що відображає події Громадянської війни на Україні, в яких беруть участь різні протидіючі політичні сили, підтверджує ці слова. Вихід з міста німецьких військ, а разом з ними і втеча гетьмана, залишеного на волю долі свою армію, поява військ Директорії, з якими вступають в бій залишені російські війська, – все це призводить до величезних людських жертвам, про що розповідається на наступних сторінках твору.

Традиція християнства використана автором і при роз'ясненні питання про те, як же потрібно відноситися до цих випробувань. Відповідаючи на нього, батько

Александр говорит: «Уныния допускать нельзя... Большой грех – уныние...». Однако последующее развитие событий романа, в которых принимают участие герои произведения – Турбины и их друзья, показывает, что даже наиболее ревностным из них приверженцам христианства, какой, например, является Елена, сестра братьев Турбиных, очень трудно соблюсти эту христианскую заповедь, сохранить душевную стойкость в сложных жизненных ситуациях. Скажем, узнав о том, что немецкие войска оставляют Город, а, следовательно, его жителей ждут новые испытания, она говорит: «Будь прокляты немцы. Будь они прокляты. Но если только Бог не накажет их, значит, у Него нет справедливости». Правда, эти слова сказаны ею сгоряча, в сердцах. Но если такие слова, о которых она позднее будет жалеть, произносит очень религиозный человек, то не является ли это свидетельством того, что испытания порою превышают физические и душевные силы человека, вынуждая его поневоле сомневаться в справедливости христианских заповедей? И если это так, то где же брать силы для преодоления жизненных испытаний менее набожным людям?

Как нам кажется, поиск ответа на этот вопрос отражен автором в эпизоде сна Алексея Турбина, построенном на использовании элементов христианского вероучения. Описывая сон своего героя, автор рассказывает о том, как тот встречается со своим павшим во время Первой мировой войны сослуживцем, вахмистром Жилиным, который был «заведомо срезанный огнем вместе с эскадронном белградских гусар в 1916 году на Виленском направлении», и ведет с ним беседу. Другим его собеседником оказывается полковник Най-Турс, погибший уже после встречи и разговора с Алексеем Турбинным, и поэтому этот сон приобретает черты вещего сна, т.е. предсказывающего грядущие события и в них судьбу людей. Обращает на себя внимание, что, описывая сон героя с использованием элементов христианства, автор делает это с большим художественным тактом. К примеру, приземленность облика апостола Петра в передаче Жилина («Штатский старичок, а важный, обходительный») оправдана тем, что о нем, как об этом дает понять на страницах романа писатель, говорит в своей прежней земной жизни крестьянин из деревни Малые Чугры. По-видимому, среди деревенских жителей как раз и могло быть распространено именно такое представление об этом ученике Иисуса Христа. Кроме того, такая характеристика оправдана также и тем, что согласно Новому Завету и другой богословской литературе до встречи с Иисусом Христом апостол Петр был в земной жизни простым рыбаком. Художественный такт писателя и его уважительное отношение к христианской литературе проявляются и тогда, когда в его передаче Жилин описывает свои впечатления от встречи с Богочеловеком, т.е. с Иисусом Христом: «Лик сияющий, а какой – не поймешь... Бывает, взглянешь – и похолодеешь. Чудится, что Он на тебя самого похож. Страх такой проймет, думаешь, что же это такое? А потом ничего, отойдешь. Разнообразное

лицо. Ну, уж а как говорит, такая радость, такая радость... И сейчас пройдет, пройдет свет голубой... Гм.., да нет, не голубой (вахмистр подумал), не могу знать. Верст на тысячу и сквозь тебя». Такое описание облика Иисуса Христа Жилиным вполне согласуется с канонами христианства, согласно которым конкретное описание внешнего вида Богочеловека отсутствует [6, с.384]. Думается, что в соответствии с христианским вероучением переданы во сне Алексея Турбина и некоторые черты внешнего облика Жилина и Най-Турса, находящихся в загробном мире, в частности их глаза: «...глаза вахмистра, – пишет автор, – совершенно сходны с глазами Най-Турса – чисты, бездонны, освещены изнутри. Больше всего на свете любил сумрачной душой Алексей Турбин женские глаза... Но куда ж им до глаз вахмистра?». Но если изображение выражения глаз является лишь констатацией особого признака у тех, кто попадает в Рай, то в той же сцене изображение одежды погибших сослуживцев Турбина объясняет, почему они попадают в Рай.. Так, «полковник... Най-Турс был в странной форме, на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч, длинный, каких уж нет ни в одной армии со времен крестовых походов, Райское сияние ходило за Наем облаком». Сходным образом изображен и Жилин, который «возвышался... как огромный витязь, и кольчуга его распространяла свет». Полагаем, что такое изображение внешности персонажей дает основание согласиться с мнением Ю. Каграмова, согласно которому одежда этих персонажей передает рыцарскую черту их поведения – служение высоким идеалам и, если надо, то ради них готовность отдать и собственную жизнь [5, с.151]. О героизме Най-Турса, пожертвовавшего жизнью ради спасения своих товарищей, рассказывают последующие страницы романа. По-видимому, есть героическое начало и в поведении вахмистра Жилина, погибшего в Первую мировую войну. Ведь он также оказывается в Раю. Некоторые исследователи на основании этих фактов, отраженных в сне Алексея Турбина, склонны считать, что уже в этом эпизоде произведения получают подтверждение слова из «Откровения Иоанна богослова», предпосланные к роману в качестве второго эпиграфа и говорящие об ответственности каждого на Страшном Суде в загробном мире за свои поступки [9, с.131].

Однако именно рассказ Жилина Алексею Турбину о том, как он попал в Рай, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в этом эпизоде романа элементы христианства проявляются своеобразно. Так, обращает на себя внимание, что разрешение попасть в Рай получают не только Жилин и его товарищи, героически павшие в бою, но и их случайные подруги, приставшие к воинской части. Следовательно, не только праведный образ жизни, как об этом свидетельствует христианское вероучение [2, с.594; 8, с.453], не только героическое поведение человека, защищающего высокие духовные ценности, а какой-то иной критерий в передаче автора определяет пребывание человека в Раю. Такой под-

ход дает о себе знать и в эпизоде разговора Жилина с Иисусом Христом, в процессе которого выясняется, что отношение Всевышнего одинаково как к белым, так и красным воинам. И это несмотря на то, что последние сражаются за иные убеждения, чем белые, и даже не верят в Бога. Вот как, например, объясняет свою позицию в передаче Жилина сам Иисус Христос: «Ну не верят..., что ж поделаешь. Пушай. Ведь Мне-то от этого ни жарко, ни холодно... Потому Мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, а другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковы: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать, все вы у Меня, Жилин, одинаковые – в поле брани убиенные». Правда, как можно понять из этих рассуждений Христа в разговоре с Жилиным, они еще не объясняют, почему убиенные, независимо от их взглядов и убеждений оказываются в Раю, а лишь фиксируют их пребывание в загробном мире. Ответом на вопрос о критерии, согласно которому умершие попадают в Рай, на наш взгляд, служат в передаче Жилина слова Иисуса Христа о том, почему Тот, зная подлинную цену священнослужителям, имеющим много недостатков, не карает их за совершенные проступки. «Ты Мне, Жилин, про попов лучше и не напоминай, - говорит Он, - Ума не приложу, что Мне с ними делать... По секрету скажу тебе, Жилин, срам, а не попы». Однако в ответ на слова Жилина, предлагающего наказать священников, Христос говорит: «Жалко, Жилин, вот в чем штука-то». Что эти слова нужно понимать именно так, т.е. как проявление милосердия Бога, как нам кажется, подтверждает, казалось бы, проходной, малозначительный, на первый взгляд, эпизод. Опять-таки Жилин рассказывает Алексею Турбину, что он и его товарищи, перед тем как попасть в Рай, вынуждены были подождать прихода Най-Турса и за ним пришел «немного погодя... неизвестный юнкерок в пешем строю». О последнем нет никаких сведений. Ясно только одно: он тоже погиб, и хотя он безымянный, и, возможно, ничего героического так и не успел совершить, но и его апостол Петр также определяет в Рай, а остальные терпеливо ждут его появления. Происходит это, по видимому, потому, что для Бога он представляет такую же ценность, как Жилин, Най-Турс и другие убиенные, о которых Жилин рассказывает Турбину.

Но каков же характер этого милосердия Христа в изображении писателя? Можно ли его считать проявлением христианского гуманизма, который, как указывает известный богослов А.Мень, - «это то, что можно выразить словами: человек есть святыня, потому что он отблеск святости вечной, духовной...» [11, с.311]? Думается, в контексте тех эпизодов, которые переданы автором во сне Алексея Турбина, речь все же идет не о христианском гуманизме, а о гуманизме иного типа. Ведь в изображении писателя в Рай попадают не небожители или праведники, как на это указывает христианское вероучение, а люди со своими земными, а не только духовными ценностями (быть может, исключение составляют только Най-Турс и Жилин), с неверием

в существование Бога, какими оказываются сторонники советской власти, или же с нарушением христианских заповедей, какими выглядят в разговоре Жилина с Христом священнослужители, и с множеством других человеческих недостатков и слабостей. Однако в передаче автора все они прощены Богом и попадают в Рай. Еще одним свидетельством того, что в сцене беседы Турбина со своим погибшим сослуживцем об обитателях Рая отражены признаки не христианского, а иного типа гуманизма, является и то, что он не получает своего подтверждения в словах второго эпитафия, взятого из «Откровения Иоанна Богослова». Ведь согласно им убиенные своё право попасть в Рай должны подтвердить на Страшном Суде, дав отчет о своих поступках в земной жизни. Однако этого в данной сцене не происходит. Есть поэтому основание полагать, что факт пребывания в Раю людей разных взглядов и убеждений отражает ту форму гуманизма, милосердия, согласно которой человек ценен сам по себе. Именно эта его разновидность, по мнению современных исследователей, сформировалась на протяжении эпохи Просвещения, французской революции XVIII века и наступившей затем эры романтизма [10, с.90].

Правда, в данной сцене есть еще один эпизод, который в романе играет важную роль. Он также связан с использованием писателем элементов христианства. Суть его состоит в том, что, несмотря на согласие Жилина выполнить просьбу Турбина присоединиться к своим товарищам в загробном мире, она так и осталась невыполненной. «Жилин, - замечает автор, - приветно махнул рукой и ласково и утвердительно закачал головой. Потом стал отодвигаться и покинул Алексея Васильевича». С одной стороны, желание Турбина остаться со своими товарищами в загробном мире является дополнительным аргументом, подтверждающим гуманистическую авторскую концепцию произведения, хотя и не христианского характера. Она противопоставляется жестоким законам земной жизни, в которой живет Алексей Турбин, родные и близкие ему люди. Вот почему загробная жизнь, описанная Жилиным, так привлекательна для него.

С другой стороны, как нам кажется, имеет объяснение и то, почему желание героя присоединиться к своим погибшим сослуживцам так и остается нереализованным. Казалось бы, все дело в том, что перевод Алексея Турбина из земной жизни в загробный мир находится в компетенции не Жилина, а Высшего существа, т.е. Бога. Однако почему в таком случае Жилину не замолвить слово Всевышнему за своего боевого товарища? Тем более, что, в передаче автора, дальнейшая земная жизнь Турбина полна суровых испытаний. Сначала это его ранение в схватке с петлюровцами, а затем заболевание сыпным тифом. Не гуманнее ли и милосерднее было бы для автора перевести своего героя в иной, потусторонний мир, избавив его тем самым от превратностей жизненной судьбы? Как, скажем, несколько десятилетий спустя поступил со своим героем в романе «Доктор Живаго» Б.Пастернак.

Однако авторский замысел «Белой гвардии» определил иной вариант судьбы персонажа. И в нем элементы христианства также играют очень важную роль. Подтверждением сказанного служит изображение в романе чудодейственного выздоровления Алексея Турбина, находившегося до этого в безнадежном состоянии. Как известно, это произошло лишь после того, как его сестра Елена обратилась с мольбой о помощи к Богородице, и Та вяла её мольбам. Такой вариант решения судьбы Алексея Турбина в произведении, как нам кажется, передавал мысль автора о необходимости бережного отношения общества и новой власти к интеллигенции, лучшие представители которой являются хранителями высоких духовных ценностей. Гибель этих людей означала бы духовную деградацию всего общества.

Правда, в романе изображена судьба еще одной семьи – Най-Турсов, в которой есть персонаж, выполняющий такую же, казалось бы, смысловую нагрузку, как и Алексей Турбин. Это полковник Най-Турс. И все же выбор образа Турбина, а не Най-Турса для выражения мысли о бережном отношении к интеллигенции в период суровых исторических испытаний кажется нам глубоко оправданным. Он, во-первых, в том, что членам семьи Турбиных уделено в романе больше внимания. А это свидетельствует, что её судьба в произведении несет основную смысловую нагрузку. Во-вторых, различное решение автором судеб персонажей в романе мотивировано и их профессиональной деятельностью. Най-Турс показан как кадровый военный. Поэтому в условиях военного времени он в гораздо большей степени, чем врач Алексей Турбин, подвержен риску быть убитым, что и отражено в тексте романа.

Но насколько оправдано в романе использование элементов христианского вероучения при изображении чудодейственного выздоровления Алексея Турбина, находившегося, казалось бы, в безнадежном состоянии? Ведь исцеление героя можно было бы передать как счастливую случайность, свидетельствующую о незнании людьми, даже врачами, возможностей человеческого организма в его борьбе с болезнью. Такое объяснение излечения Турбина находилось бы в соответствии с первоначальной профессией М.Булгакова – врача. Однако та передача выздоровления Алексея Турбина, которая отражена в романе, т.е. вследствие мольбы сестры героя, обращенной к Богородице, приобретает гораздо большую значимость, чем возможный вариант объяснения спасения героя. В том варианте выздоровления, который реализован в романе, оно воспринимается как результат действия Высшей силы на человеческую жизнь, как Её отклик на молитву, поскольку те доводы, которые были приведены Еленой Турбиной перед иконой Богородицы, были восприняты как убедительные и справедливые.

И в данном эпизоде также обращают на себя внимание художественное мастерство и такт писателя при использовании элементов христианства.

Скажем, оправдан автором выбор сестры Алексея Турбина для этой сцены, поскольку Елена в романе показана как очень набожный человек. Психологически мотивировано её обращение за помощью к иконе Богородицы исключительностью ситуации, когда все иные средства спасения брата оказались исчерпаны. Сила любви Елены к брату проявляется в передаче автором в том, что ради его спасения она готова пожертвовать своим личным счастьем. «Пусть Сергей (муж Елены – С.Ш.) не возвращается... Отымаешь, отымай, но этого смертью не карай...», - говорит она. Причем её просьба о спасении брата мотивируется не только тем, что он старший в семье и поэтому оказывается защитником семейного гнезда Турбиных, но и тем, что, будучи спасенным от гибели, «что-нибудь доброе сделает он» и для других людей, как этому учит христианская вера. И в то же время эпизод чудодейственного выздоровления Алексея Турбина благодаря вмешательству Высшей силы не производит впечатления облегченности выражения авторской мысли о необходимости сохранения духовного, нравственно-этического начала в человеческом обществе, хранительницей которого является интеллигенция. Свидетельством того, что этот процесс будет сопровождаться тяжелыми испытаниями и в дальнейшем, является сцена сна Елены, в котором опять-таки с использованием элементов христианства она видит своего младшего брата Николку, у которого «вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками. Елена мгновенно подумала, что он умрет, и горько зарыдала и проснулась с криком в ночи...».

Христианский обряд моления у Бога о помощи повторяется в романе М.Булгакова еще раз. Его совершает сын библиотекаря Иван Русаков, прося у Всевышнего прощения за свои богохульные стихи и моля об излечении от дурной болезни. На наш взгляд, смысл данной сцены в произведении состоит в утверждении автором мысли о необходимости веры в существование Высшей силы, именуемой Богом, для каждого человека, что облегчает его земное существование. Думается, эта сцена и её смысл возникли не без раздумий писателя о Боге в своей жизни. Вот что, например, он писал в своем дневнике в 1923 году: «Может быть, сильным и смелым Он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче... Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ» [13, с.250].

Приведенными примерами использование элементов христианства в романе М.Булгакова, однако, не исчерпывается. Важную роль они играют и тогда, когда автор пытается дать ответ на вопрос, кто же посылает испытания на героев произведения? Вначале ответ на него дан в форме аллюзии, т.е. как намек. Он, на наш взгляд, отражен в эпизоде, передающем чтение Еленой рассказа И.Бунина: «Перед Еленой остывшая чашка и «Господин из Сан-Франциско». Затуманенные глаза, не видя, глядят на слова: ... мрак, океан, вьюгу». Ведь, как известно, именно в этом произведении писателя переданы его размышления о человеческой судьбе, а образы «Божией Матери, Её трижды благословен-

ного Сына» и Дьявола, который «был громаден, как утес», - воссоздают те силы, которые на нее влияют. В другом эпизоде романа упоминается книга, которую перед сном читал Алексей Турбин: «Валяется на полу у постели ... недочитанный Достоевский и глумятся «Бесы» отчаянными словами». Думается, и эта аллюзия тоже не случайна. Она также отражает поиски героями романа ответа на мучающий их вопрос о том, кто же является виновником тех бед, которые им приходится переносить. И если в приведенных сценах этот ответ дан в косвенной, опосредованной форме – силы зла, то в процессе развития сюжета произведения они персонифицированы в образах конкретных персонажей. Ими в «Белой гвардии» являются Леонид Юрьевич Шервинский и Михаил Семенович Шполянский, которые, по замечанию Е.Скороспеловой, предстают как демоны [14, с.240], а поэтому выступают в обществе носителями сил зла [2, с.190; 8, с.182]. Однако демонизм этих персонажей нуждается в дополнительной аргументации.

Первым на страницах романа появляется Леонид Шервинский. И то, как он вначале показан автором, казалось бы, позволяет усомниться в его демонизме. Являясь другом детства братьев Турбиных, он ухаживает за их сестрой, которая ему очень нравится, оказывая при этом ей всевозможные знаки внимания в виде букетов цветов, комплиментов и т.д. У Шервинского великолепный голос. Мечтая о карьере оперного певца, он охотно демонстрирует друзьям свои вокальные данные. Как и его приятели, он служит в русской армии, войска которой расположены в Городе. В отличие от своих товарищей Шервинский занимает толерантную, примирительную позицию по отношению к украинскому языку и другим проявлениям украинской культуры. Однако по мере развития событий романа, а Шервинский появляется не менее чем в десяти эпизодах, можно заметить снижение автором привлекательности облика этого персонажа. Так, описывая появление Шервинского в доме Турбиных, он характеризует того следующим образом: «Цветы – приношение верного Елениного поклонника, гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского, друга продавщицы в конфетной знаменитой «Маркизе», друга продавщицы в уютном цветочном магазине «Ницкая флора». Нетрудно заметить, что такая характеристика персонажа заставляет усомниться в глубине и искренности его чувств к Елене, сестре братьев Турбиных. О том, что это сомнение не лишено основания, свидетельствуют и другие высказывания Шервинского, переданные автором. Скажем, в присутствии друзей, знающих о его ухаживании за Еленой, он рассказывает, например, о том, что в «него влюбилась в Жмеринке графиня Лендрикова, потому что когда он пел эпиталаму, то вместо fa взял la и держал его пять тактов». Однако последние слова о своих вокальных способностях настолько преувеличены, что это осознает и сам Шервинский. «Сказав – пять, - замечает автор, - Шервинский сам повесил немного голову и посмотрел кругом растеря-

но, как будто кто-то другой сообщил ему это, а не он сам». Узнав об отъезде мужа Елены, замечает автор, Шервинский откровенно радуется этому, и эта радость «запрыгала... В наглых глазах маленького Шервинского». Своей кульминации развенчание Шервинского достигает в сцене сна Елены, где, появившись, «глаза его (Шервинского – С.Ш.) развязно улыбаются». Он признается, что является демоном и когда начинает петь, то поет «пронзительно, не так, как наяву...». Таким образом, демонизм Шервинского в передаче автора проявляется как эгоизм персонажа, живущего только для себя и своим поведением приносящим людям, которые к нему равнодушны, горькое разочарование. Вот почему, дает понять читателям автор, Елене после разрыва с мужем новое замужество, которое намечается с Шервинским, не сулит ничего хорошего.

Другим персонажем, передающим в романе демоническое начало в обществе времен Гражданской войны на Украине, является Михаил Семенович Шполянский. Как и Шервинский, он наделен автором многими качествами, которые, казалось бы, должны восприниматься как положительные. Причем у Шполянского, в отличие от Шервинского, они проявляются не только в области личной жизни («содержал балерину оперного театра Мусю Форд и еще одну даму, имени которой Михаил Семенович, как джентльмен, никому не открывал»), но и в общественной деятельности. К примеру, он стал известен «как знаменитый прапорщик, лично получивший в мае 1917 года из рук Александра Федоровича Керенского георгиевский крест... Михаил Семенович прославился как превосходный чтец в клубе «Прах» своих стихов... и как отличнейший организатор поэтов и председатель городского поэтического ордена «Магнитный Триолет»..., не имел себе равных как оратор, кроме того, управлял машинами как военными, так и типа гражданского..., имел очень много денег и щедро раздавал их взаймы членам «Магнитного Триолета». И еще многими другими достоинствами в изображении писателя наделен этот персонаж. Обращает на себя внимание такая особенность изображения автором Шполянского, как его сходство с героем пушкинского романа «Евгений Онегин». «Михаил Семенович, - замечает автор, - был черный и бритый, с бархатными баками, чрезвычайно похожий на Евгения Онегина». Выскажем предположение, что упоминание в романе М.Булгакова о сходстве Шполянского с пушкинским Евгением Онегиным можно объяснить переключкой исторических ситуаций в жизни общества (у Пушкина это первая четверть XIX века, а у Булгакова тот же период в XX веке). Именно тогда могли появиться такие неординарные личности, своим поведением обращающие на себя внимание, как Евгений Онегин у Пушкина и Михаил Семенович Шполянский у Булгакова. И если упоминание о бобровом воротнике дорогой шубы Шполянского прямо переключается со строками пушкинского романа об одежде Евгения Онегина, представляя собой поэтому центон, т.е. фрагмент, цитату («Морозной пылью серебрится / Его боб-

ровый воротник») [12, с.35],* то в другом месте романа М.Булгакова это внешнее сходство дается в косвенной, опосредованной форме. К примеру, упоминание о «бархатных баках» Шполянського и о его «белой зефирной сорочке, поверх которой красовался черный с большим вырезом жилет», заставляет вспомнить пушкинские строки о Евгении Онегине, который был «Острижен по последней моде, / Как dandy лондонский одет». Наконец, сходство между пушкинским и булгаковским персонажами, казалось бы, можно ощутить и в том, что авторами порою дается одинаковая оценка их поведению, что сказывается в использовании обоими той лексики христианства, которая применяется по отношению к носителям злого, демонического начала. Правда, такая характеристика персонажей дана в форме перифразы, т.е. в описательном виде. Скажем, в пятой главе пушкинского романа во сне Татьяны Лариной Евгений Онегин предстает как «хозяин», предводитель нечистой силы. А в седьмой главе пушкинского произведения дано описание размышлений Татьяны Лариной о Евгении Онегине после посещения ею кабинета героя в его поместье. И в этих размышлениях героини как один из возможных вариантов её представлений Онегин ассоциируется с «созданием ада» и «надменным бесом».

Аналогичная характеристика дается и Шполянскому в романе М.Булгакова. Так, в представлении сына библиотекаря Ивана Русакова, которому приходится встречаться со Шполянским, тот «молод. Но мерзость в нем, как в тысячелетнем дьяволе. Жен он склоняет на разврат, юношей на порок».

Однако использование христианской лексики при раскрытии образа пушкинского героя все же отличается от её употребления в произведении М.Булгакова при характеристике Шполянського. У Пушкина предпосылки негативной оценки главного героя остаются нереализованными. Как известно, Евгений Онегин показан в пушкинском романе как человек, которому исторические обстоятельства времени не позволили найти применение своим положительным задаткам. И автор различными средствами старается опровергнуть отрицательное впечатление о своем герое, которое может сложиться. Скажем, после дуэли с Ленским, завершившейся гибелью последнего, автор показывает Онегина «в тоске сердечных угрызений». Не реализуется возможность негативной оценки героя, переданная автором во сне Татьяны Лариной и во время посещения ею жилища Евгения Онегина. Она уступает место более объективной и взвешенной характеристике его поведения в эпизоде последней встречи с

ним героини, уже замужней женщины. «Я знаю, - говорит она, - в вашем сердце есть /И гордость и прямая честь». Наконец, об этом же свидетельствуют слова и самого автора-повествователя, для которого Евгений был и остается «добрым приятелем», которого он «сердечно» любит.

Совершенно иначе воспринимается характеристика Шполянського в романе М.Булгакова. Демонизм натуры персонажа как воплощение сил зла получает в произведении убедительное и многообразное подтверждение. Так, уже при первом знакомстве читателей с ним можно ощутить авторскую иронию при перечислении качеств Шполянського. Их настолько много, и они настолько разнообразны, что невольно возникает сомнение, а можно ли их все воспринимать как его достоинства. Более же подробное описание автором некоторых поступков персонажа еще более усиливает это сомнение. Так, помогая сыну библиотекаря опубликовать свои богоборческие стихи, Шполянський тем самым способствует развитию у того чувства вседозволенности, что приводит Русакова к аморальным поступкам, завершившимся заболеванием дурной болезнью. Сам же Шполянський, косвенно способствовавший нравственной и физической деградации Русакова, проявляет в дальнейшем к нему полное безразличие, узнав о постигшем того несчастье. Однако особенно отчетливо негативные черты личности Шполянського видны в его поведении на общественном поприще. Скажем, негативно оценивая деятельность на Украине во время Гражданской войны гетмана и Симона Петлюры, он заявляет: «Самое главное, впрочем, не в этом. Мне стало скучно, потому что я давно не бросал бомб». И эти свои слова он подкрепляет последующими поступками. Проходя военную службу в войсках гетмана, воюющих с армией Петлюры, он выводит из строя броневики и исчезает, оставив на произвол судьбы своих сослуживцев. А затем живой и невредимый, вместе с такими же, как и он сам, приятелями появляется на площади старой Софии, с интересом наблюдая парад петлюровских войск и сея смуту в толпе. А потом, дает понять автор, в поисках свежих впечатлений, чтобы развеять скуку, он отбывает в Москву. Итак, человеком, использующим любые средства, вплоть до предательства, чтобы удовлетворить свои личные желания, «политическим авантюристом, человеком без принципов» [3, с.79], таким предстает на страницах «Белой гвардии» Шполянський. Именно эти особенности его личности дала основание Ивану Русакову, пациенту Алексея Турбина, назвать Шполянського предтечей антихриста, т.е. воплощением злой, демонической силы. Правда, в произведении М.Булгакова Русаков показан как экзальтированный и больной человек. Поэтому его слова о Шполянском могут вызвать недоверие. Однако, рассказывая о посещении Алексеем Турбиным Юлии Рейсс, женщины, спасшей ему жизнь, и, рисуя реакцию Турбина, увидевшего на столе фотокарточку Шполянського, автор дает понять, что слова Русакова об этом человеке совпадают с восприятием и его героя. «Что-то дрогнуло

* Изображение автором в романе Шервинского, Шполянського и представителей национально-освободительного движения на Украине как воплощения демонизма, т.е. сил зла, однако, по нашему мнению, не означает, что это явление трактуется автором в сакральном, т.е. религиозном своем значении. На самом деле, используя понятие и термин, употребляемые в христианском вероучении в его православном варианте, автор дает им секулярную, мирскую трактовку, связывая существование этого явления с земной человеческой жизнью, хотя при этом и не дает объяснения самому факту его появления у людей.

в Турбине, - пишет автор, - и он долго смотрел на черные баки и черные глаза... Неприятная, сосущая мысль задержалась дольше других, пока он изучал лоб и губы председателя «Магнитного Триолета». Именно так и через образ этого персонажа реализуется в романе писателя идея христианского вероучения о необходимости вести борьбу с силами зла, в какой бы форме они не проявлялись.

Однако изображение демонического начала и его роли в человеческой жизни все же образами Шервинского и Шполянского в произведении не ограничивается. Текст романа дает основание утверждать, что демоническое начало, о котором упоминается в христианском вероучении, отражает еще одно явление, проявившееся в период Гражданской войны на Украине. Его выражают персонажи, представляющие движение, борющееся за национальную независимость Украины. Таковы в произведении Симон Петлюра и его сподвижники: полковники Торопец, Болботун, Козырь-Лешко и другие. Подтверждением того, что представители этого движения, по мнению автора, воплощают собой негативное, демоническое начало как одно из явлений, с которым борется христианское вероучение, является эпизод романа, описывающий парад войск Директории, вступивших в Город и остававшихся в нем в течение 47 дней. Привлекая при изображении и этого явления атрибуты христианства, автор старается вызвать у читателей к нему и к той церемонии, которой сопровождается приход петлюровских войск в Город, резко отрицательное отношение. Именно поэтому собор Софии рисуется «*мрачным*». В приделе алтаря церкви, указывает автор, была «*невероятная кутерьма*». Бас протодиакона Серебрякова был «*страшный*» и «*рычал*». «*Хоругви кланялись в дверях, как побежденные знамена*». Глаза у отца Аркадия, настоятеля кафедрального собора, «*были отчаянные, тряслась борода*». «*Софийский тяжелый колокол на главной колокольне гудел, стараясь покрыть всю эту «страшную вопиющую кутерьму*». Маленькие колокола «*тявкали*», заливаясь, «*без ладу и складу, вперевой, точно сатана влез на колокольню, сам дьявол в рясе и, забавляясь, поднимал гвалт*» «*Дон... дон.. дон.., – бесились колокола*».

Нетрудно заметить, что все явления, связанные с христианством и отраженные в этом эпизоде романа, напроць лишены характерной для них традиционной значительности, торжественности. Они производят иное, прямо противоположное впечатление – хаоса, растерянности, угнетенности настроения. Такое изображение атрибутов христианства, на наш взгляд, вольно или невольно свидетельствует об отступлении автора от принципов христианского вероучения. Оно противоречит его смыслу, согласно которому силы добра неизменно побеждают зло. С другой стороны, не вполне убедительно, спорно выглядит в романе демонизация автором сил, представляющих национально-освободительное движение на Украине в годы Гражданской войны. Ведь в начальных главах романа он дает, на наш взгляд, убедительное и сочувственное

объяснение причинам возникновения этого движения. «Было четыреста тысяч немцев, - пишет он, - а вокруг них четыреста сорок раз четыреста тысяч мужиков с сердцами, горящими неутоленной злобой. О, много, много скопилось в этих сердцах. И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков... И реквизированные лошади, и отобранный хлеб... Были тоскливые слухи, что справиться с гетманской и немецкой напастью могут только большевики, но у большевиков своя напасть... Вот головушка горькая у украинских мужиков! Ниоткуда нет спасения!.. Были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умеющих стрелять...» И далее автор следующим образом объясняет возникновение этой третьей силы в Гражданской войне на Украине: «Нужно было вот этот самый мужицкий гнев подманить по одной какой-нибудь дороге, ибо так уж колдовски устроено на белом свете, что, сколько бы он ни бежал, он всегда фатально оказывается на одном и том же перекрестке. Это очень просто. Была бы кутерьма, а люди найдутся».

Итак, как свидетельствуют слова самого писателя, возникновение борьбы за национальную независимость на Украине было не случайностью, а отражением определенных исторических обстоятельств. Однако, сочувствуя украинскому народу, автор все же считает ошибкой участие того в движении, во главе которого стоял Симон Петлюра и его соратники. Не пытаюсь решить вопрос о том, насколько был прав М.Булгаков в характеристике национально-освободительного движения и его участников на Украине во время Гражданской войны, поскольку дискуссия об этом явлении продолжается до сих пор, все же отметим, что на эту его оценку автором «Белой гвардии», как нам кажется, повлияли два обстоятельства. Во-первых, его общественно-политическая позиция. Согласно суждениям современных исследователей творчества писателя Булгаков был сторонником монархической формы государственности в её умеренном варианте [3, с.12; 13, с.101]. А это значит, что Украина, по его мнению, должна была оставаться, как и прежде в Российской империи, составной частью России. Поэтому всякое намерение, направленное на выход Украины из состава бывшей Российской империи, не могло не вызвать авторской негативной реакции. С другой стороны, свою роль в авторской оценке национально-освободительного движения на Украине сыграла его автоцензура, т.е. внутренний контроль своих взглядов. Ведь публикация романа могла состояться лишь при условии лояльного отношения его автора к советской власти, которая к тому времени уже победила в стране, и к её позиции по отношению к своим противникам, некоторые из них как раз и были участниками этого национально-освободительного движения.

Наконец, как свидетельствуют последние страницы романа, элементы христианства играют в произведении важную роль и тогда, когда автор пытается дать ответ на вопрос, что же нужно делать

людям, чтобы построить иную, более справедливую жизнь на земле, чем та, полная драматических испытаний, о которой рассказывает «Белая гвардия». Один из вариантов ответа на этот вопрос, как нам кажется, отражен в эпизоде чтения сыном библиотекаря Иваном Русаковым «Откровения Иоанна Богослова» и того впечатления, которое на него произвела эта книга. «По мере того, как он читал потрясающую книгу, - пишет автор, - ум его становился как сверкающий меч, углубляющийся в тьму. Болезни и страдания казались ему неважными, несущественными. Недуг отпадал, как короста с забытой в лесу отсохшей ветви. Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий. И страха не испытывал, а мудрую покорность и благоговение. Мир становился в душе, и в мире он дошел до слов: «слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

Как можно заметить, в нем передана мысль о важности для каждого человека книг Нового Завета, раскрывающих христианское вероучение, поскольку в моменты суровых жизненных испытаний они помогают людям сохранить душевное равновесие и веру в будущее. Правда, может возникнуть сомнение, а так ли это на самом деле, поскольку «Откровение Иоанна Богослова», или «Апокалипсис» дано в восприятии болезненного, неуравновешенного человека, каким на страницах романа предстает Иван Русаков. Более того, на опасность для здоровья того чтения этой книги обращает внимание Алексей Турбин, к которому на прием в качестве пациента пришел Русаков. Однако особенность передачи автором впечатления от данного произведения в романе состоит в том, что она раскрыта в виде несобственно-прямой речи, которую современное литературоведение рассматривает как «особый прием повествования», позволяющий «писателю совмещать собственную авторскую речь с речью персонажа» [15, с.157]. Вот эта форма выражения как раз и придает убедительность и объективность впечатлению от использования в произведении фрагмента из великой книги христианства, поскольку с мнением о ней персонажа совпадает и мнение автора-повествователя.

Другой эпизод последних страниц «Белой гвардии», дополняет представление о том, как построить людям иную, более справедливую жизнь. Он изображает в романе сон маленького мальчика, некоего Петьки Щеглова, который появляется лишь в конце повествования. Однако в авторском замысле этот персонаж играет очень важную роль. Его появление в произведении, изображение автором сна мальчика, светлого и радостного, имеет непосредственное отношение к использованию элементов христианского вероучения. Думается, образ этого персонажа в произведении М.Булгакова возник не без влияния слов Иисуса Христа, которые приводятся в Новом Завете, о том, что именно поведение ребенка указывает человечеству путь к спасению: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не станете как дети, не войдете в Царство Небесное»

[1, Мф.18, 1-4; Мк. 9, 33-37; Лк. 9, 46-48]. Именно открытость и доверчивость детской души позволяет воспринимать красоту и величие окружающего мира, где, пишет автор, «в неизмеримой высоте... у царских врат служили всенощную. В алтаре зажигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами...». Этого впечатления не может нарушить даже полночный крест Владимира, который, как можно судить из контекста последней страницы произведения, в восприятии взрослого человека выглядит угрожающим: «Издали казалось, что поперечная перекадина исчезла – и слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч». Однако, по мнению автора, негативные явления жизни временны, преходящи. «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

Если слова последнего абзаца романа понимать буквально, то может возникнуть недоумение по поводу логической связи между упоминанием автора о человеческих бедах на земле и звездами на небе, на которые, замечает он с горечью, не обращают внимания люди. Однако эта логическая связь обнаруживается, если слова последнего абзаца произведения понимать не в прямом, буквальном, а в переносном смысле. В этом случае звезды – это не только явления космоса, вселенной. По мнению В.В.Мусатова, они представляют собой вечность, под оценивающим взглядом которой, предстает человек [9, с.131]. Признавая возможность и такого понимания образа звезд в романе М.Булгакова, необходимо все же уточнить, какое содержание вкладывается критиком при этом в понятие «вечность». Ведь оно в разных философских системах трактуется по-разному. Скажем, в материалистической философии «вечность» определяется как «бесконечность времени существования материального мира, обусловленная несотворимостью и неуничтожимостью материи и ее атрибутов, материальным единством мира... Противостоящие материализму теология и объективный идеализм трактуют вечность как атрибут бога или абсолютного духа. Как бесконечное и абсолютно совершенное существо бог пребывает не во времени, а в вечности. Если во времени все возникает и исчезает, то в вечности, присущей богу, актуально имеются абсолютное совершенство и постоянство» [16, с.87]. Оставляя в стороне вопрос о том, какая трактовка вечности из двух приведенных представляется в настоящее время более убедительной, все же полагаем, что в романе М.Булгакова образы звезд следует ассоциировать с вечностью во втором, теологическом, или идеалистическом понимании. Ведь при материалистической трактовке звезды предстают как явления материального мира, бесконечного в своем существовании. Они равнодушно взирают на жизнь людей на земле, поскольку лишены способности как-то на нее реагировать, оценивать. В другой из предложенных трактовок, являясь отражением

вечности существования Бога, этой способностью как выражением высшей и вечной Его духовности они обладают. Поэтому следование людьми законам высшей духовности, которая ассоциируется со звездами, помогает им сохранить себя. И хотя роман заканчивается вопросом, выражающим удивление автора по поводу того, что люди не смотрят на звезды, т.е. не думают о духовности, хотя и знают, что она существует, текстом своего романа писатель, как нам кажется, дал на него ответ. Он в том, что обрести эту духовность, а с ней и верный путь к счастливой, справедливой жизни, очень непросто. Даже в том случае, если этот путь подсказан христианским вероучением. История о происшедших событиях, рассказанная писателем в своем романе, является тому свидетельством.

Завершение романа позволяет дать ответ и на вопрос о том, реализованы ли в произведении слова из второго эпиграфа, взятые из «Откровения Иоанна Богослова» и говорящие о том, что каждый умерший должен нести на Страшном Суде ответственность за свои поступки в земной жизни. Как известно, ответ на него до сих пор дискутируется. Скажем, М.Чудакова считает, что роман не подтверждает слова эпиграфа, объясняя это тем, что писатель задумал романную трилогию, но замысел его не был до конца реализован [17, с.362]. Другая исследовательница, Е.Скороспелова полагает, что этот эпиграф усиливает в произведении ощущение кризисности момента и личной ответственности человека. [14, с.240-241]. Однако отсутствует объяснение, как это конкретно происходит. В.В.Мусатов считает, что слова эпиграфа реализованы в сцене сна Алексея Турбина, во время которого тот встречается со своими павшими сослуживцами и узнает об их загробной жизни [9, с.130-131]. Однако суждение исследователя, как об этом уже было сказано, не подтверждается текстом романа. И все же применительно не к отдельным эпизодам, а ко всему тексту произведения, как нам кажется, слова «Откровения Иоанна Богослова» находят свое подтверждение, если исходить не из буквальности, а условности, символичности его языка, как это утверждает современный богослов А.Мень [7, с.228]. В этом случае слова «Откровения Иоанна Богослова» из второго эпиграфа произведения в опосредованной форме реализуются в повествовании автора о своих любимых героях, причем не только о пав-

ших в годы Гражданской войны, как Най-Турс, но и живых, как Алексей Турбин и его близкие друзья. Именно герои романа своим поведением, образом жизни, сформировавшимся в дореволюционные годы, в изображении писателя отражают лучшие черты русской интеллигенции. Поэтому автор и призывает проявить к ним милосердие новой, победившей власти в стране. Следовательно, связь авторского миропонимания с христианским вероучением, помогающим в решении земных проблем людей, проходит в романе М.Булгакова с первой и до последней его страницы.

Таким образом, проведенный анализ романа М.Булгакова «Белая гвардия», как нам кажется, дает основание утверждать, что использование в нем автором атрибутов, связанных с христианским вероучением в его православном варианте играет важную роль, поскольку помогает усилить общечеловеческий характер звучания авторской гуманистической мысли в произведении. Своеобразие их использования в романе состоит в том, что дается писателем как в каноническом варианте христианского вероучения, так и в неканоническом, с существенными отступлениями от него, что представляется нам в целом вполне оправданным. Однако при изображении национально-освободительного движения на Украине во время Гражданской войны обращение писателя к явлениям, связанным с христианским вероучением, выглядит, на наш взгляд, все же спорным, хотя этому факту есть свое объяснение. В то же время, хотя авторская оценка этого движения не только не противоречила, а даже совпала с отношением к нему со стороны представителей советской власти, дальнейшая судьба «Белой гвардии» была не менее сложной и драматической, чем многих других произведений писателя. Причина тому, как нам кажется, состояла не только в сочувственном изображении автором в романе судьбы русской интеллигенции в годы Гражданской войны, которую победившая новая власть воспринимала как чуждую, враждебную силу, доставшуюся в наследие от дореволюционного прошлого. В условиях формирования в стране нового общественного устройства на началах воинствующего атеизма не последнюю роль в настороженном отношении к роману, как нам кажется, сыграло и широкое использование в нем автором элементов, связанных с христианским вероучением.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 1995. – 1371с.
2. Библейская энциклопедия. Репринтное издание. – М.: Терра, 1990. – 902 с.
3. Боборыкин В.Г. Михаил Булгаков. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
4. Булгаков Михаил. Белая гвардия. Роман / Михаил Булгаков. Избранные произведения в двух томах. – Киев: Дніпро, 1989. – Т.1. – С.26 – 284.
5. Каграмов Юрий. «Две правды» - или одна? К девяностолетию окончания Гражданской войны / Юрий Каграмов // Новый мир, 2010, № 11. – С.137 –156.
6. Мень Александр. Сын человеческий / Александр Мень. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2000. – 496 с.
7. Мень Александр. Читая Апокалипсис / Александр Мень. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2000. – 259 с.

8. Мифологический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 672 с.
9. Мусатов В. В. История русской литературы первой половины XX века (советский период) / В. В. Мусатов. – М.: Academia, 2001. – 310 с.
10. Николаев П. О терминах и не только о них / П. Николаев / История советской литературы: Новый взгляд. Часть 2. – М.: Наука, 1990. – С. 89 – 102.
11. Отец Александр Мень отвечает на вопросы. – М.: Фонд имени Александра Меня, 1999. – 317 с.
12. Пушкин А. Евгений Онегин. // А. Пушкин. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы. Повести. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 29 – 200.
13. Сахаров Всеволод. Михаил Булгаков: писатель и власть / Всеволод Сахаров. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2000 – 447 с.
14. Скороспелова Е. Б. М.А.Булгаков / История русской литературы XX века (20 – 90-е годы) Основные имена / Е. Б. Скороспелова. – М., 1998. – С. 238 – 268.
15. Теоретическая поэтика: понятия и определения: хрестоматия / Автор-составитель Н.Д. Тамарченко. – М.: РРГУ, 2002. – 467 с.
16. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 815с.
17. Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. Чудакова. – М.: Книга, 1988. – 670 с.

Станислав Шошура

РЕЦЕПЦИЯ ХРИСТИАНСТВА В РОМАНЕ М.А.БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия и художественного воплощения христианского православного вероучения в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия».

Ключевые слова: художественное воплощение, христианское православное вероучение, Откровение, молитва, образы Христа и Богородицы.

Stanislav Shoshura

RECEPTION OF CHRISTIANITY IN THE NOVEL M.A BULGAKOV'S «WHITE GUARD»

Summary. The article deals with the peculiarities of the reception and the artistic embodiment of the Christian Orthodox creed in M. Bulgakov's novel «The White Guards».

Key words: artistic embodiment, Christian Orthodox creed, Revelation, prayer, the images of Christ and the Virgin.

Шошура С. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков и зарубежной литературы Николаевского национального университета имени В.А.Сухомлинского